

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 48—54.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 48—54.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"1992/..."

DOI: 10.46726/И.2024.3.6

ХРОНОТОП ДОМА В РОМАНЕ Д. ВЕРЕСОВА «ЧЕРНЫЙ ВОРОН»

Ольга Юрьевна Осьмухина, Мария Сергеевна Шишонкова

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия,
osmukhina@inbox.ru, shishonkova.marya@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи — выявить ключевые особенности хронотопа Дома в романе «Черный ворон» современного петербургского прозаика Дм. Вересова. Были использованы следующие методы исследования: сравнительно-исторический, типологический, метод целостного анализа художественного произведения. В результате было установлено, что хронотоп Дома играет в «Черном вороне» особую функциональную роль: пространство Дома, во-первых, оказывается здесь местом развития переломных событий, в сравнении с другими романами саги, действие которых не будет локализовано и ограничено исключительно Ленинградом и несколькими квартирами. Во-вторых, маркирует сущность персонажей; наконец, является зеркальным отражением советской истории и культуры — именно посредством различных пространств Дома / Антидома раскрывается быт и устройство жизни представителей различных социальных страт советского общества (рабочего класса, деклассированных представителей будущего криминального мира, партийной номенклатуры) и способствует постижению их аксиологии. Художественное пространство и время играют в тексте сюжетообразующую роль. Именно в первом романе семейной саги о судьбах двух сестер Дом как пространственная составляющая является не только фоном разворачивания мистических и детективных коллизий, но и смысловым центром, катализатором сюжетного разворачивания. В «Чёрном вороне» во временном отношении происходит совмещение далекого и близкого (время личных судеб вписано в историческое), в пространственном — малого (дом) и большого (Ленинград, Россия) хронотопов.

Ключевые слова: Дм. Вересов, современная русская проза, семейный роман, хронотоп Дома, топос квартиры

Для цитирования: Осьмухина О.Ю., Шишонкова М.С. Хронотоп Дома в романе Дм. Вересова «Чёрный ворон» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 48—54.

Общеизвестно, что принципиально значимое место в структуре пространственно-временных отношений занимает хронотоп дома, в том числе в литературе XIX—XX вв., на что справедливо указывают отечественные исследователи [Бахтин; Жулькова; Осьмухина; Радомская; Синякова]. Как отмечал М.М. Бахтин, пространство дома дает наглядное представление об эпохе «Здесь сгущены, сконденсированы наглядно зримые приметы как исторического времени, так и времени биографического и бытового, и в то же время они теснейшим образом переплетены друг с другом, слиты в единые приметы эпохи» [Бахтин: 395]. Хронотоп дома изучался, кроме того, Ю.М. Лотманом, который применительно к «Мастеру и Маргарите» М. Булгакова рассматривал

пространство в оппозиционных соотношениях Дома и Антидома [Лотман], суммировал мифологические характеристики Дома как сакрального пространства и пришел к выводу о том, что «Дом превращается в важный признак культурного пространства» [Лотман: 275]. Этот тезис, вне всякого сомнения, актуален и для литературы современной, в которой Дом (или же топосы его замещающие) выполняет не только сюжетообразующую, но и аксиологическую функцию (достаточно вспомнить «Сорок лет Чанчжоэ» Дм. Липскерова, «Выше ноги от земли» М. Турбина, «Петровы в гриппе и вокруг него» А. Сальникова, «Учителя Дымова» С.В. Кузнецова, тетралогии о староведах Ивановых Е.А. Катишонок, многочисленные семейные саги последних десятилетий и т. д.). Более того, именно хронотоп Дома позволяет выявить ключевые закономерности в современном семейном романе (и семейной саге как его жанровой модификации), о чем свидетельствует его связь одновременно со сферой частно-бытового и — общественного, изображение его с помощью обращения к архетипам, узнаваемым мифологемам и ритмических, циклических чередований поколений, позволяющих говорить о динамическом воспроизводстве *рода* как биологически-социальной и нравственно-духовной общности именно в пространстве Дома.

Весьма примечательна в этом контексте сага о вороне Дм. Вересова в целом, и особенно открывающий её роман «Чёрный ворон». Подчеркнем, что «Чёрный ворон» избран нами в качестве материала исследования отнюдь не случайно: с одной стороны, он вполне вписывается в ряд аналогичной «серийной» продукции отечественного масскульта, что, кстати, послужило поводом к его экранизации (т/с «Чёрный ворон», 2001—2006). С другой, роман органично сочетает в себе клише массовой словесности (занимательный сюжет с мистической и детективной составляющими, бытовые стереотипы, наличие штампов художественной речи и др.) с этической проблематикой, выходящей за рамки масскульта.

Как справедливо подметила А.Т. Джиоева, хронотоп Дома романа «Чёрный ворон» Дм. Вересова не просто органично «вписывается» в традицию изображения пространства Домов / Антидомов в семейном романе отечественной словесности (к примеру, как в «Белой гвардии» и «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, «Вечном зове» А. Иванова, «Детях Ванюхина» Г. Ряжского и др.) [Джиоева], но и расширяет её. Пространство Дома «как материализованной истории» [Бахтин: 396] позволяет наблюдать очевидную трансформацию отношения к нему: от утраты до его поиска и обретения.

На примере судьбы семьи Захаржевских в «Черном вороне» показывается трагизм утраты Дома как важного интимного и духовного пространства, причем прозаиком раскрывается влияние исторических событий на восприятие пространства личного. Разрушительное действие войны приводит к тому, что кто-то из персонажей теряет Дом полностью (Эдуард Захаржевский и его сын Алексей), а кто-то *так* боится потерять его, что целенаправленно умерщвляет Дом избытком и достатком, «убивая» его аксиологическую сущность как основу семейную и родовую (семьи Черновых и Лариных).

Алексей Захаржевский не мог разделить воодушевления отца по поводу возвращения на родину, потому что никогда не имел возможности наблюдать то, ради чего Эдуард Иванович так сильно хотел вернуться назад. Здесь понятие Дома расширяется до всей страны, в целом олицетворяющей место, где когда-то жил род Захаржевских: «Ведь не семья покинула Советскую Родину (отец всегда произносил это словосочетание подчеркнуто, как бы с большой буквы, и эта манера дико раздражала Алексея), а Родина покинула их, как

неверная жена, отдав вместе с КВЖД китайцам и даже не испросив на то их согласия» [Вересов]. Оторванный от Дома в юном возрасте, Алексей застал голодную смерть матери и не смог создать крепкой духовной связи с тем местом, в котором семья жила раньше. В Китае у него не получается до конца сформировать привязанности к Дому и выработать его четкий образ. Очевидно здесь формирование образа Антидома: «Осточертела ему, видишь ли, чистая квартирка с китайской прислугой и портретом товарища Сталина в гостиной, истерические большевизанки из Клуба советских граждан, газетенка с унижительным названием “Мы тоже советские люди”, которой отдавал все свободное время отец...» [Вересов].

Раскрывая быт и частную жизнь состоятельных людей, партийной номенклатуры Ленинграда 1950—1970-х гг., писатель показывает постепенное омертвление пространства Дома. Изобилие, получаемое путем бюрократических махинаций, праздная жизнь, отсутствие любви и искренности между родителями и детьми — все это делает пространство Дома ложным. Это чувствует Алексей, когда приезжает в гости к своему дяде Всеволоду Ивановичу Захаржевскому: «Самое интересное, что Алексей нисколько не кривил душой. Действительно все трое, даже кривобокая Клава, стали для него красавицами. И вдруг показалось нелепо видеть их здесь, в этом богатом, но безликом доме, где сами стены источают ложь» [Вересов].

Алексей Захаржевский тонко чувствует пространство вокруг. Он ощущает своё неуютное положение гостя. Сам топос квартиры враждебен ему и свидетельствует об опасности: «В эту ночь Алексей долго не мог заснуть. Он включил торшер, поднялся, зевая, подошел к этажерке, взял наугад книжку, наугад раскрыл:

У меня в померкшей келье —
 Два меча.
 У меня над ложем знаки
 Черных дней.
 И струит мое веселье
 Два луча.
 То горят и дремлют маки
 Злых очей» [Вересов].

Подобное застывшее, омертвевшее пространство блоковского стихотворения «Прочь!» из цикла «Снежная маска» отнюдь не случайно: с одной стороны, оно вполне сопоставимо с топосом пребывания Алексея, который, равно как и блоковский лирический герой, обреченно встал на путь смерти, а «Снежной Девой» для него оказывается Ада, с появлением которой возникает inferнальный мотив. Во-вторых, блоковский фрагмент отсылает к замковому хронотопу европейских баллад, и способствует воссозданию такой же атмосферы ограниченности и страха в квартире Захаржевских. Справедливости ради, отметим, что постепенно хронотоп этот расширяется до волшебного пространства сказки, с её атмосферой мистического и ирреального. Так, в доме Захаржевских проживает Анна Давыдовна, которая создает вокруг себя страшно-фантастическое пространство, сродни Бабе-Яге в фольклорных сказках: «Мама, черная, тощая, смуглая дылда, расхаживала в невыдуманных цветных нарядах, беспрестанно смолила “Беломор” (разумеется, не рядом с малышом), силным басом ругалась со всеми подряд, привезла с собой два сундука каких-то совершенно ведьминских штучек и забила ими выделенную ей комнату, в которую запретила соваться кому-либо, кроме дочери» [Вересов]. Даже Аду комната

матери пугает: «Это была странная комната, входить в которую разрешалось только Аде. Уходя из дому, мать всегда запирала комнату на ключ, который уносила с собой. Но у Ады был свой ключик, им она и воспользовалась. Здесь царили непривычные пряные запахи, внушавшие чувство неосознанной тревоги» [Вересов].

Ритуал, местом проведения которого становится квартира Захаржевских, подчеркивает её отчужденность и противопоставленность реальной жизни. Место, в которое способен прийти сам Дьявол, не может являться живым: «Но теперь бессилию конец. В чем Белая Мать отказала, то Рогатый даст, и с лихвою! Ведь такая сила, такая сила в мир просится — это она тогда поняла, когда нож с черной ручкой над куклой занесла. Будто кто-то обнял ее сзади, держит, в жилы то пламень, то лед пускает и шепчет без слов: “Я с тобой! Я с тобой!”» [Вересов]. Примечательна сгущенность темных тонов и преобладание черного цвета в описании облика Анны Давыдовны и самой её комнаты, создающих ощущение непроглядной адской тьмы, контрастирующей с чистотой и светом божественного начала, ибо «из-за вечной тьмы, царящей в аду, его постоянные обитатели <...> все сплошь выглядят темными даже черными...» [Пастуро: 42].

Квартиры семьи Захаржевских, Лариных, Черновых становятся «мертвым» местом, в котором достаток всего избавляет от понятий чувственности и любви. Старшее поколение ценит свою жилплощадь за её размеры, статусность, которую она подчеркивает, но не умеет жить на ней той семейной жизнью, для которой это пространство предназначено. Забив до отказа свои дома роскошью и драгоценными предметами, они создают вокруг себя иллюзорный мир благополучия, в котором высшим благом является достаток. Пространство приобретает функцию хранения «богатства», утрачивая свою сакральность, семейную интимность. Подсознательно законсервированность Антидомов чувствует молодое поколение, которое старается уйти из таких мест, пытаясь найти другие, те, в которых можно было бы почувствовать искренность и любовь.

Влияние «ложного» пространства оказывается слишком сильным, потому некоторые представители молодого поколения как бы по привычке начинают повторять то, что видели на протяжении всей жизни в квартирах родителей. Так, Татьяна Захаржевская с легкостью отнимает квартиры у других, не видя и не понимая их ценности: «У меня на книжке всего три четыреста, остальное придется в темпе одалживать у друзей, родственников. Под покупку дачи. — Какой дачи? — Твоей, разумеется» [Вересов]. Пытаясь вырваться из застывшего пространства дома, она начинает впутываться в различные авантюры не ради наживы, но ради развлечения. Ей кажется забавным заниматься кражей вместе с Генералом, ибо она не понимает всей сакральности дома.

Отметим, что пространства Домов и Антидомов раскрывают и внутренние качества героев. Так, дом Шерова и квартира Генерала характеризуют Татьяну Захаржевскую как героя-плута, который из всего пытается извлечь личную выгоду. Ей не нужно пространство «интимное», «семейное», домашнее, она комфортно ощущает себя, не имея привязки к определенному месту. Её окутанное мистическим флёром рождение, отчасти инфернальная сущность определяют внутреннее тяготение героини к злу и всему преступному. Так, попадая в жилище бандита Генерала, она «дышала свободно и легко, словно попала в свой дом, такой непохожий на родительский. Ни тебе старинного комода, воняющего нафталином, ни пыльных портьер, ни тусклой бронзовой люстры с висялками хрусталя, мутными как сопля» [Вересов].

Напротив, череда квартир, через которую прошла Татьяна Приблудова, маркирует для героини «пороговость» в её судьбе. Каждая квартира вырабатывает

в ней стойкий характер, учит пониманию жизни, сталкивая с разными ситуациями и людьми. Она видит трудное, тягостное бытие в коммуналке сумасшедшей старухи; обретает настоящую и искреннюю любовь, самые доверительные моменты которой происходят в пространстве квартиры Евгения Ковалева. Наконец, Татьяна находит настоящую семью и поддержку в «келье» общежития.

Оппозицией Антидомам становятся, как это ни парадоксально, общежития — места, где протекает «общая жизнь», но при этом именно они оказываются домами с наибольшей концентрацией интимности и искренних чувств. Комната здесь является местом «живым», ибо с неё снимается нагрузка «статусности». Именно здесь каждый ценит собственное пространство, но готов поделиться им, поскольку оно не принадлежит в полной мере никому. Движение, которое не дает этому пространству застыть, является фактором, обеспечивающим живость и живучесть общежития. Так, Оля и Поля принимают к себе Татьяну Приблудову: «С ними было спокойно, но нестерпимо скучно. И все же, тщательно все взвесив, Танька собрала вещички и, заручившись согласием Оли и Поли, перебралась в “келью”» [Вересов]. Позже в общежитии Татьяна живет с уже с Иваном.

Омертвевшее пространство «ложного» Дома начинает диктовать людям принципы жизни, создает иллюзорность мира, вновь сближая его с хронотопом волшебной сказки, в котором время может чудесным образом убыстряться и замедляться, но проходит мимо героя [Пропп: 82]. Подобный «ложный» Дом находится вне живого течения времени, с застывшими взглядами и привычками. Так, Иван Ларин, столкнувшись с пространством съемной квартиры, попадая на время домой, практически забывает о том, что теперь это не его дом: «Он разомлел, переоделся в пижаму, почистил зубы и возлег на любимую тахту под любимым бра с томиком Лескова, даже как-то и позабыв, что его ждет Таня» [Вересов]. Он воспринимает пространство других домов как нечто иллюзорное, книжное, совсем не понимая реальности: «Вот та коммунальная дыра, да и общага строителей на Покровке — это была экзотика, романтизм» [Вересов]. В этом смысле пространство квартиры, ассоциирующееся с достатком и легкостью быта, очень пагубно влияет на мировосприятие героев романа: топос частно-бытового воздействует в дальнейшем на сферу общественную, куда вступают нравственно развращенные персонажи.

Таким образом, хронотоп Дома играет в романе «Черный ворон» Дм. Вересова особую функциональную роль: пространство Дома, во-первых, оказывается местом развития переломных событий; во-вторых, маркирует сущность персонажей; наконец, является зеркальным отражением советской истории и культуры — именно посредством различных пространств Дома / Антидома раскрывается быт и устройство жизни представителей различных социальных страт советского общества (рабочего класса, деклассированных представителей будущего криминального мира, партийной номенклатуры) и способствует постижению их аксиологии. Пространство Антидома, локализованное в топосах квартир Захаржевских, Лариных и Черновых, символизирует отчуждение героев друг от друга и становится метафорой ослабления связей между ними в «большом» мире.

Список литературы / References

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с. (Bakhtin M.M. Questions of Literature and Aesthetics, Moscow, 1975, 504 p. — In Russ.)

Вересов Дм. Черный Ворон. URL: <https://litlife.club/books/54476/read> (дата обращения: 12.03.2024).

(Veresov Dm. Black Raven. — In Russ.)

- Джиоева А.Т. Традиции семейного романа в отечественной прозе XX столетия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2019. 23 с.
(Dzhioeva A.T. Traditions of the family novel in the domestic prose of the XX century: abstr. of the diss. ... Candidate of Sciences (Philology), N. Novgorod, 2019, 23 p. — In Russ.)
- Жулькова К.А. Образ дома в русской литературе первой половины XX в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7, литературоведение. 2019. С. 194—201.
(Zhulkova K.A. Image of a house in Russian literature of the first half of the XX century, *Social sciences and humanities. National and foreign literature. Series 7: Literary Studies*, 2019, pp. 194—201. — In Russ.)
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
(Lotman Yu.M. Inside the thinking worlds, Moscow, 1996, 464 p. — In Russ.)
- Осьмухина О.Ю. Образ дома в творчестве Дм. Липскерова конца 1980—1990-х гг. // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2021. № 2 (10). С. 28—36.
(Osmukhina O.Yu. Image of a house in the work of D.M. Lipskerov of the late 1980s—1990s, *Palimpsest. A Literary Studies Journal*, 2021, no. 2 (10), pp. 28—36. — In Russ.)
- Пастуро М. Черный. История цвета / пер. с фр. Н. Кулиш. 4-е изд. М.: НЛЮ, 2021. 168 с.
(Pasturo M. Black. Color History, transl. by N. Kulish, Moscow, 2021, 168 p. — In Russ.)
- Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
(Propp V.Ya. Morphology of a fairy tale, Moscow, 2001, 192 p. — In Russ.)
- Радомская Т.И. Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX в.: опыт духовного, семейного, государственного устройства. М.: Совпадение, 2006. 237 с.
(Radomskaya T.I. Dom i Otechestvo in Russian classical literature of the first third of the XIX century: the experience of spiritual, family, state organization, Moscow, 2006, 237 p. — In Russ.)
- Синякова Л.Н. Топос ДОМ в прозе А.П. Чехова 1890-х годов и ассоциированные с ним мотивы: смирение — бегство — уход // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 9: Филология. С. 102—113.
(Sinyakova L.N. The topos HOUSE in the prose of Anton Chekhov in the 1890s and the motifs associated with it: humility — flight — departure, *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, no. 19 (9), pp. 102—113. — In Russ.)

THE CHRONOTOPE OF THE HOUSE IN D. VERESOV'S NOVEL “BLACK RAVEN”

Olga. Yu. Osmukhina, Mariya. S. Shishonkova

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation,
osmukhina@inbox.ru, shishonkova.marya@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to identify the key features of the House chronotope in the novel "Black Raven" by the modern St. Petersburg novelist Dm. Veresov. The following research methods were used: comparative-historical, typological, method of holistic analysis of the artwork. As a result, it was established that the chronotope of the House plays a special functional role in The Black Raven: the space of the House, firstly, appears here as a place of development of crucial events, in comparison with other novels of the saga, the action of which will not be localized and limited exclusively to Leningrad and several apartments. Secondly, it marks the essence of the characters; finally, it is a mirror reflection of Soviet history and culture - it is through the different spaces of the House / Antihouse that the everyday life and life structure of the representatives of different strata of Soviet society are revealed. Artistic space and time play a plot-forming role in the text. It is in the first novel

of the family saga about the fate of two sisters that the House as a spatial component is not only the background for the unfolding of mystical and detective collisions, but also the semantic center, the catalyst of the unfolding plot. In “The Black Raven” there is a combination of distant and near (the time of personal destinies is inscribed in the historical) in temporal terms, in spatial terms - small (house) and large (Leningrad, Russia) chronotopes.

Keywords: Dm. Veresov, Modern Russian prose, family novel, chronotope of the House, topos of the apartment

For citation: Osmukhina O.Yu., Shishonkova M.S. The chronotope of the house in D. Veresov’s novel “Black raven”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 48—54.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 22.03.2024; approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Осьмухина Ольга Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, МГУ им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия, osmukhina@inbox.ru

Osmukhina Olga Yuryevna — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, osmukhina@inbox.ru

Шшонкова Мария Сергеевна — магистрант кафедры русской и зарубежной литературы, МГУ им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия, shishonkova.marya@yandex.ru

Shishonkova Mariya Sergeevna — Master's student of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, shishonkova.marya@yandex.ru